

СВЯТОЙ
ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРГИЙ
РАДОНЕЖСКИЙ

Сборник

**Святой Преподобный Сергей
Радонежский. Жизнеописание**

Православное издательство "Сатись"

2011

Сборник

Святой Преподобный Сергей Радонежский. Жизнеописание /
Сборник — Православное издательство "Сатись", 2011

ISBN 978-5-7868-0114-0

«Радуйся, Духа Святаго обитель» Преподобного Сергия Радонежского именуют Ангелом Земли Русской. Его молитва собирала, защищала, оберегала Русь; его служение Пресвятой Троице воплощало идеал русского человека – идеал жизни во Христе. Житие преподобного Сергия было любимым чтением в русских семьях, оно читалось на богослужениях, а в Лавру преподобного по-прежнему стекается русский народ во дни праздников, в печали и в радости. Первое жизнеописание преподобного Сергия было составлено учеником святого – Епифанием Премудрым (первая половина XV века). В XIX веке появляются новые жизнеописания. Их авторы – митрополиты Московские Платон (Левшин) и Филарет (Дроздов); известные церковные историки архиепископ Филарет (Гумилевский) и Е.Е. Голубинский. В основе настоящего издания – жизнеописание, составленное иеромонахом Никоном (Рождественским), впоследствии архиепископом Вологодским и Тотемским. Оно было подготовлено к 500-летию со дня кончины преподобного Сергия, в 1892 году. Главные достоинства этого жития – его полнота, историческая достоверность и тщательность; простой и доступный язык; духовная цельность и ясность. Облик преподобного Сергия, молитвенника Земли Русской, вновь встает перед нами со страниц жития, и радуется сердце тихой радостью, утешается дивным светом и чудными делами подвижника.

ISBN 978-5-7868-0114-0

© Сборник, 2011
© Православное издательство
"Сатись", 2011

Содержание

Глава I	11
Глава II	15
Глава III	21
Глава IV	26
Глава V	30
Глава VI	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Святой Преподобный Сергей Радонежский. Жизнеописание

К 700-летию со дня рождения

*Аще мужа свята житие списано будет, что от того польза велика
есть и утешение вкупе, и писателям, и сказателям, и послушателям.
Епифаний Премудрый*

*Буди ревнитель право живущим, и сих житие и деяние пиши на
сердце своем.
Св. Василий Великий*

Издание второе, исправленное и дополненное

*По благословению
архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА*

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС-11-105-0408*

«Слава Богу о всем о всяческих ради! Слава показавшему нам житие мужа свята и старца духовна, благодарим Бога за премногую Его благодать, бывшую на нас, яко дарова нам свята старца, господина преподобного Сергия, в земле нашей Рустей, в стране полунощней». Так начинается свое сказание о житии и подвигах преподобного отца нашего Сергия его присный ученик, блаженный Епифаний. «Дивлюся же, – говорит он, – како толико лет минуло, а житие святаго старца не писано было, и о сем сжалихся зело, како убо таковой святой старец пречудный и предобрый, отнележе преставися 26 лет преиде, и никто не дерзныше писати о нем, ни дальний, ни ближний, ни больший, ни меньший».

Сии слова Премудрого Епифания еще с большим правом можем повторить мы, с той лишь разницей, что со дня кончины преподобного Сергия до нашего времени протекло не 26, а

уже пятьсот лет, и до сих пор мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца не только в смысле самостоятельного исторического исследования о его жизни и подвигах, о его значении в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и вообще нравственного воспитания русского народа, но даже и простого, полного перевода жития, написанного Епифанием. Правда, существует более десятка разных житий преподобного Сергия, и лучшее из них, конечно, то, которое составлено святителем Московским Филаретом. Но это житие предназначено было для чтения при Богослужении и читано самим в Бозе почившим иерархом в Лавре, на всенощном бдении 5 июля 1822 года. По своим достоинствам внутренним это житие – слиток золота, но, как предназначенное для церковного чтения, оно по необходимости отличается краткостью и опускает многие подробности, драгоценные для благоговейных почитателей памяти великого угодника Божия. Следует еще упомянуть о двух житиях преподобного Сергия, помещенных в сочинениях «Русские Святые» преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, и «Жития Святых Российской Церкви» А.Н. Муравьева; но ни то, ни другое также не имеют желанной полноты, потому что составители этих житий, описывая жития всех Русских Святых, по необходимости старались быть краткими в изложении. Из отдельных изданий следует упомянуть только одно, вышедшее уже после 2-го издания нашей книги, к 500-летию преставления преподобного Сергия, – «преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» Е. Голубинского. Автор предлагает в этой книге, как сам он говорит, «повествование о преподобном, с одной стороны, краткое, а с другой стороны – полное, без опущений воспроизводящее все частности его жизни, как естественного, так и сверхъестественного характера». Но и эта книга не может вполне удовлетворить благоговейного читателя памяти великого угодника Божия, довольно сказать о ней одно уже то, что ради «краткости» автор ее не имеет в виду дать в ней назидательное чтение, а предлагает лишь сжатое изложение фактов, собранных им из всех исторических источников и изложенных в форме «жизнеописания». Притом и это «жизнеописание» издано нераздельно с «путеводителем по Лавре» и составляет как бы введение к этому «путеводителю». На других отдельных изданиях, вроде сочинения г. Лаврентьева, не считаем нужным останавливаться, так как они представляют плохие переделки из Епифания или же просто заимствования из вышеупомянутых авторов.

Предлагая благочестивым читателям свое описание «Жития и подвигов преподобного и Богоносного отца нашего Сергия», потрудившийся в его составлении считает долгом сказать, что он вовсе не имел в виду писать ученое исследование о жизни угодника Божия, он задался более скромной целью – собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о преподобном Сергии, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники. Для настоящего четвертого издания вновь пересмотрено по возможности все, что вышло в 1891–1893 годах по случаю 500-летия преставления угодника Божия, и таким образом многое в тексте дополнено и исправлено. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо: это отсутствие в наличной духовной литературе полного жития преподобного Сергия. Подумать только, кто был преподобный Сергей для нашей Русской Церкви, для Русского Государства, для русского народа? Святая Церковь прекрасно характеризует его, называя столпом Церкви. Он не только сам был крепким столпом Церкви Христовой, но, по выражению одного из наших архипастырей, Херсонского архиепископа Никанора, «уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся к нему людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих. До 70 монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одной из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое Великорусское

племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом Православия. Будучи сам высшим носителем христианского православного духа, он примером, назиданием, молитвами своими много содействовал и содействует напитанию этим духом всего православного российского народа, духом, – который составляет руководительное начало, крепость и славу народной русской жизни. Потому-то к преподобному Сергию, как к неиссякающему роднику крепкого русского духа, притекают на поклонение, для назидания, для молитвы и до сего дня многие тысячи народа. Ни один вблизи путешествующий инок не минет обители преподобного Сергия. Редкий из иерархов Русской Церкви не припадал до праха земного пред ракой преподобного Сергия. Все до единого из Венценосцев России приносили у раки преподобного свои молитвы (особенно по вступлении на царство). Не только члены нашего Царствующего Дома, но и премногие члены иностранных царственных семейств приходили туда же то молиться, то изучать русскую жизнь у самых ее основ, у того родника, у одного из главных родников, из которых она бьет ключом».

«Если бы возможно было, – говорит известный наш историк В.О. Ключевский, – воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет было молчаливо передумано и пережито перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокой содержанием историей нашей всенародной политической и нравственной жизни. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет тоже общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный

Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос: что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно».

Так характеризуют великое духовное значение преподобного Сергия, с одной стороны, один из наших знаменитых духовных витий, с другой – один из глубоких знатоков нашей родной истории.

В другом своем слове, обращаясь к житию преподобного отца нашего Сергия, архиепископ Никанор справедливо говорит, что это житие «переносит нас в новый для нас, хотя и стародавний мир, мир других людей – святых людей, других воззрений – святых воззрений, других обычаев – святых обычаев, в мир отречения от мира и себя, в мир святых великих подвигов, в мир вольного неуклонного несения креста Христова... Чувствуешь в душе разноразвучие гармонии этого мира с дисгармонией нашего внутреннего и внешнего мира, и, с одной стороны, мирно настраивается сердце умилением – так вот взял бы крылья, яко голубине, и полетел бы туда, в пустыню, за 500 лет назад, а с другой, надывается сердце, что поневоле приходится жить многомятежной жизнью своего века...» Справедливо говорит преподобный Иоанн Лествичник: «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцов, делается более смиренной в мыслях своих».

Так благотворно действуют на душу описания подвигов великих угодников Божиих, каков был преподобный отец наш Сергий. «Якоже ароматы, – говорит святитель Платон, митрополит Московский, – чем более растираются руками, тем больше издают благоухания, тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза». Но это сравнение еще недостаточно сильно: ароматы со временем все же утрачивают силу своего благоухания, а жития святых – никогда. Это – неистощимые очаги благодатного огня, от которых каждый может возжигать в самом себе

такой же огонь ревности Божественной, и сколько бы таких огней ни зажигали от них, сами они никогда не умалются...

От жизнеописателя обыкновенно требуют, чтобы он не только знакомил читателя со всеми ему известными событиями из жизни описуемого лица, но и рисовал пред ним живую личность, вводил во внутренний духовный мир этого лица, давал читателю возможность при чтении жизнеописания пожить вместе с тем лицом, с кем его знакомят, полюбоваться его достоинствами, подышать, так сказать, воздухом той эпохи, в которую жило и действовало это лицо. Справедливость требует сказать, что при жизнеописании святого лица выполнить эти требования можно только отчасти. В Бозе почивший Московский святитель Филарет по сему случаю однажды выразился так: «Ненадежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним». И действительно, описывая жизнь обыкновенного смертного, писатель может больше полагаться на свой духовный опыт: описывая жизнь подвижника, он должен быть сам подвижником...

Увы! Сего-то, столь существенного, условия для написания полного жития преподобного отца нашего Сергия потрудившийся в составлении сей книги и не имеет! Глубоко сознавая свою нищету духовную, он и не помыслил бы взять на себя такой непосильный труд, если бы не имел пред собой труда первого жизнеописателя Сергия, его ближайшего ученика преподобного Епифания. Этот ученик потщился, елико было ему дано, в себе самом воплотить добродетели своего великого наставника, опытно проходил под его руководством жизнь духовно-подвижническую и потому в состоянии был лучше, чем кто-либо иной, списать жизнь своего святого старца в назидание наше... Но и он сознавал всю трудность такого дела, и он говорил: «Якоже не мощно есть малей лодии велико и тяжко бремя налагаемое понести, сице и превосходит нашу немощь и ум подлежащая беседа... Подобаше ми отнюдь со страхом удоб молчати и на успех своих перст положите, сведущу свою немощь... Яко выше силы моя дело бысть, яко немощен есмь, и груб и неразумичен...» Одно, что заставило его взяться за труд, это горячая любовь к почившему старцу: «Любовь и молитва преподобного того старца привлекает и томит мой помысл, и принуждает глаголати же и писати...» Он скорбит об одном: как бы не пришло в совершенное забвение житие такого великого старца, как бы чрез это забвение не потеряна была навсегда духовная польза читателей... «Аще убо аз не пишу, а ин никтоже не пишет, боюся и осуждения притчи онаго раба лениваго, скрывшаго талант и обленившагося».

С такими мыслями приступал к своему труду первый благоговейный «списатель» жития Сергиева. Нужно ли говорить, с какими чувствами должен приступать к сему делу недостойный писатель нашего грешного времени? И он должен сознаться, что не без долгих колебаний решился на свой труд, призывая на помощь молитвы преподобного старца и его присного ученика Епифания Премудрого... А когда для полноты изображения личности угодника Божия приходилось говорить о внутренних духовных состояниях, он брал черты из писаний Богомудрых отцов-подвижников, изобразивших эти состояния, на основании собственного опыта, в своих писаниях...

Последуем же, благочестивый читатель, шаг за шагом вослед блаженного Епифания; будем благоговейно внимать его простому, задушевно-теплому, сердечному повествованию, прислушаемся и к тем урокам, какие извлекают из его рассказа наши святители: Платон и Филарет – митрополиты Московские, Филарет, архиепископ Черниговский, Никанор, архиепископ Херсонский, и другие проповедники и благочестивые писатели... И если эта книга даст вам возможность хоть немного отдохнуть душой за ее чтением, хоть на несколько минут забыть окружающую вас суету земную, перенестись мыслью и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу родную древность, повитать со святыми и преподобными обитателями дремучих лесов радонежских, подышать благоуханием молитв Сергиевых, насладиться созерцанием его Боголюбезного смирения, тогда мы почтем себя

счастливыми и воздадим славу Господу. А если книга наша не удовлетворит любознательности вашей, если составитель ее чего не дописал, или переписал, или в чем погрешил, то смиренно просит в том прощения и с глубокой благодарностью примет всякое доброе замечание и указание погрешностей на случай нового издания.

*Архимандрит Никон
Лавра преподобного Сергия
Марта 12 дня,
1885-1891-1898*

Глава I

Сын радости

Радуйся, от чрева материя освященный.

Радуйся, в рождении твоём сыном радости нареченный.

Акаф. 2, икос 1.

*Радуйся, яко прежде рождения приглашением прославивый
Святую Троицу.*

Ик. Минеи.

Радуйся, пречудное в младенчестве постничество нам являяй.

Акаф. 1, ик. 3.

Верстах в четырех от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого, на ровной открытой местности по пути в Ярославль, уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы: это заштатный Варницкий монастырь. По древнему преданию, почти шестьсот лет тому назад тут была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей, потому что весь эта была благословенной родиной великого печальника и заступника Русской земли, преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея Руси Чудотворца. Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр Ростовских Кирилла и Марии; тут был их дом; тут и жили они, предпочитая уединение сельской природы суете городской жизни при княжеском дворе.

Впрочем, Кирилл состоял на службе сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича; он не раз сопровождал их в орду, как один из самых близких к ним людей; владел достаточным по своему положению состоянием, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, он не пренебрегал и обычными сельскими трудами; мы увидим потом, что Кирилл посылал, например, своего малолетнего сына за конями, так же как и теперь посылают своих малюток простые поселяне.

Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Говоря о них, блаженный Епифаний замечает, что Господь, благоволивший воссиять в земле Русской великому светильнику, не попустил родиться ему от неправедных родителей, ибо такому детищу, которое, по устройению Божию, должно было впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобало иметь и родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рожденного и самих родивших во славу Божию. И праведность их была известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они помогали и бедным, но особенно свято хранили они заповедь Апостола: страннолюбия не забывайте: *тем бо не видяще нации странноприяша Ангелы* (Евр. 13, 2). Тому же учили они и детей своих, строго внушая им не опускать случая позвать к себе в дом путешествующего инока или иного усталого странника. До нас не дошло подробных сведений о благочестивой жизни сей блаженной четы, зато мы можем вместе со святителем Платоном сказать, что «самый происшедший от них плод показал лучше всяких красноречивых похвал доброту благословенного древа. Счастливы родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве! Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели!»

Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына – будущего основателя Троицкой Лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рождения сего святого младенца дивный Промысл Божий уже дал о нем знамение, что это будет великий избранник Божий и святая отрасль благословенного корня. В один воскресный день его благочестивая мать пришла в церковь к Божественной литургии и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, в притворе церковном вместе с прочими женами. Началась литургия, пропели уже Трисвятую песнь, и вот, незадолго пред чтением Святого Евангелия, вдруг среди общей тишины и благоговейного молчания младенец вскрикнул у нее во чреве так, что многие обратили внимание на этот крик. Когда начали петь Херувимскую песнь, младенец вскрикнул в другой раз, и притом уже столь громко, что голос его был слышен по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшие близ нее женщины стали между собой переговариваться, что бы мог означать этот необыкновенный крик младенца? Между тем литургия продолжалась. Священник возгласил: «Вонмем! Святая Святым!» При этом возгласении младенец вскрикнул в третий раз, и смущенная мать едва не упала от страха: она начала плакать... Тут ее окружили женщины и, может быть желая помочь ей успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: «Где же у тебя младенец? Отчего он кричит так громко?» Но Мария, в душевном волнении обливаясь слезами, едва могла вымолвить им: «Нет у меня младенца, спросите еще у кого-нибудь». Женщины стали озираться кругом и, не видя нигде младенца, снова пристали к Марии с тем же вопросом. Тогда она вынуждена была сказать им откровенно, что на руках у нее действительно нет младенца, но она носит его во чреве...

– Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери? – возражали ей удивленные женщины.

– Я и сама удивляюсь этому, – отвечала им Мария, – и нахожусь в немалом недоумении и страхе...

Тогда женщины оставили ее в покое, не переставая, впрочем, удивляться этому необыкновенному случаю.

«В наше время, – говорит святитель московский Филарет, – свидетели подобного происшествия, вероятно, имели бы немало заботы об изыскании причины, произведшей сие необыкновенное явление. Более проницательные, может быть, осмелились бы догадываться, что молитвенный восторг благочестивой матери в три важные периода священнодействия сообщил необыкновенное возбуждение жизни плоду, который носила она во чреве. Но **В** то время любили не столько любопытные умствования, сколько благоговейное наблюдение путей Провидения, и народ выходил из церкви, повторяя написанное в Евангелии об Иоанне Предтече: *что убо отроча сие будет?* (Лк. 1, 66). Да будет над ним воля Господня!»

Благоговейный писатель жития Сергиева, преподобный Епифаний, сопровождает свое повествование о сем необыкновенном происшествии таким размышлением: «Достойно удивления, – говорит он, – что младенец, будучи во чреве матери, не вскрикнул где-либо вне церкви, в уединенном месте, где никого не было, но именно при народе, как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались достоверными свидетелями сего обстоятельства. Замечательно еще и то, что прокричал он не как-нибудь тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нем, и не тогда возгласил он, когда мать его была где-нибудь на пиршестве или почивала, но когда была она в церкви, и именно во время молитвы, как бы указывая на то, что он будет крепким молитвенником пред Богом; не прокричал он в каком-либо ином месте, но именно в церкви, где пребывают святые Господни и совершаются священнодействия, знаменуя тем, что и сам он будет совершенной святыней Господа в страхе Божиим. Достойно замечания также и то обстоятельство, что не возгласил он однажды во веки!» Так, в строгом посте и частой сердечной молитве, пребывала богобоязненная мать святого дитяти; так и само дитя, благословенный плод ее чрева, еще до появления своего на свет, некоторым образом уже предпочищался и освящался постом и молитвой.

«О, родители, – замечает при повествовании о сем святитель Филарет, – если бы вы знали, сколько добра или, напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и отдает грехи отцов на чада (Числ. 14, 18); и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3, 13).

Кирилл и Мария видели на себе великую милость Божию; их благочестие требовало, чтобы одушевлявшие их чувства благодарности к благодееющему Богу были выражены в каком-либо внешнем подвиге благочестия, в каком-либо благоговейном обете, а что могло быть приятнее Господу в таких обстоятельствах, в каких они находились, как не крепкое сердечное желание и твердая решимость оказаться вполне достойными милости Божией? И вот праведная Мария, подобно святой Анне, матери пророка Самуила, вместе со своим мужем дала такое обещание: если Бог даст им сына, то посвятит его на служение Богу. Это значило, что они, со своей стороны, обещали сделать все, что могли, чтобы на их будущем дитяти исполнилась воля Божия, совершилось тайное о нем предопределение Божие, на которое они уже имели некоторое указание. Немного, конечно, таких родителей, да едва ли и найдутся в наше грешное время такие счастливицы, которые могли бы так решительно, и притом непогрешительно, определить судьбу своих детей еще до их рождения; опасно и неразумно давать обеты, исполнение коих не зависит от воли обещающих; праведные родители Сергиевы могли сделать это потому, что имели уже таинственное указание на будущую судьбу их дитяти; но кто из христианских родителей не желал бы видеть в детях своих будущих граждан Царства Небесного? А если все желают, то пусть же все и полагают в сердце своем твердый и неизменный обет – делать со своей стороны все, что от них зависит, чтобы их дети были истинными чадами Божиими по благодати, чтобы они были покорными сынами нашей общей матери святой Церкви Православной, чтобы ни дети, ни родители не испытали потом горькой участи сынов Царствия, которые будут изгнаны, по слову Господню, во тьму кромешную. «Для чего человек создан от Бога?» – спросили одного простого старца. «Чтобы быть наследником Царствия Божия», – отвечал он...

3 мая 1319 года в доме боярина Кирилла была общая радость и веселье: Марии Бог дал сына. Праведные родители пригласили своих родных и добрых знакомых разделить с ними радость по случаю рождения нового члена семьи, и все благодарили Бога за сию новую милость, явленную Им на доме благочестивого боярина. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним Святое Крещение и в то же время исполнить свое обещание представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его. Благоговейный иерей по имени Михаил нарек младенцу во святом крещении имя Варфоломей, конечно потому, что в этот день (11 июня) праздновалась память святого апостола Варфоломея, ибо сего требовал тогдашний церковный обычай; но это имя и по самому значению своему – сын радости – было особенно утешительно для родителей сего младенца, ибо можно ли описать ту радость, которая переполняла их сердца, когда они видели перед собой начало исполнения тех светлых надежд, которые почивали на сем младенце со дня его чудесного приглашения во чрево матери? Кирилл и Мария рассказали этот случай священнику, и он, как сведущий в Священном Писании, указал им много примеров из Ветхого и Нового Заветов, когда избранные Божии еще от чрева матери были предназначены на служение Богу; привел им слова Пророка Давида о совершенном предвидении Божиим: *несодеянная моя видесте очи Твои* (Пс. 138, 16), и апостола Павла: *Бог воззавый мя от чрева матери моея явити Сына Своего во мне, да благовествую Его в языцех* (Гал. 1, 16), и другие подобные места Священного Писания, и утешил их благодатной надеждой относительно их новорожденного: «Не смущайтесь, – говорит он им, – а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы». И, благословив дитя и его родителей, служитель алтаря Христова отпустил их с миром.

Между тем мать, а потом и другие стали примечать в младенце опять нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясной пищей, то младенец не брал сосцев ее, то же повторялось и уже без всякой причины, по средам и пятницам; так что в эти дни младенец вовсе оставался без пищи. И это повторялось не раз, не два, а постоянно. Мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово, советовалась с другими женщинами, которые тщательно осматривали дитя, но на нем не было приметно никаких признаков болезни, ни внутренней, ни наружной; напротив, малютка не только не плакал, но и весело смотрел на них, улыбался и играл ручками... Наконец обратили внимание на время, когда младенец не принимал сосцев материнских, и тогда все убедились, что в этом детском посте «ознаменовались», как выражается святитель Филарет, «предшествовавшие расположения матери и проявлялись семена будущих его расположений». Возвращенный постом во чреве матери младенец и по рождении как будто требовал от матери поста. И мать, действительно, стала еще строже соблюдать пост: она совсем оставила мясную пищу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери.

Однажды Мария отдала младенца на руки другой женщине, чтобы та покормила его своей грудью, но дитя не захотело взять сосцев чужой матери, то же самое было с другими кормилицами. «Добрая отрасль доброго корня, – говорит блаженный Епифаний, – питалась только чистым молоком родившей его. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога, в самых пеленах поучался истине, в самой колыбели привык к посту и вместе с молоком матери навывкал воздержанию... Будучи по естеству еще младенцем, он выше естества уже предназначал пощение, с младенчества он был питомец чистоты, питаемый не столько молоком, сколько благочестием и предызбранный Богом еще до рождения»...

«Многие матери, – замечает по сему случаю святитель Платон, – не почитают важным делом кормить дитя своей грудью, но на самом деле это очень важно. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы матерние, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу? А с этой пищей, то есть с молоком, вливаются в младенца его будущие склонности и нравы». «Чужое молоко, – рассуждает в одном месте святитель Димитрий Ростовский, – не так полезно для младенца, как молоко его родной матери. Если кормилица больна, то будет больное и дитя; если она гневлива, неводержанна, сварлива, таково же будет и дитя, которое она кормит. Дитя, воспитанное чужим, не матерним молоком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, какую имеют дети, вскормленные ее собственным молоком. Да пристыдят таких матерей бессловесные животные: ни одно из них не доверяет другому питать собственных детей». «Лучше бы подумать доброй матери, – говорит святитель Филарет Московский, – отнимать ли мать вдруг у двух младенцев: у младенца кормилицы и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы может быть, тоску по оставленному ею собственному детищу, вместо того чтобы он пил любовь из груди своей матери». «Бывают матери, – говорит святой Златоуст, – которые своих детей отдают кормилицам. Христос не попустил сего. Он питает нас собственным Телом и напояет собственной Кровью».

Окончилось время кормления грудью Варфоломея; дитя покинуло колыбель, возрастая телом, оно укреплялось и духом, исполняясь разума и страха Божия, благодать Божия почивала на святом младенце, и добрые люди утешались им.

Глава II

Благодатный отрок

Радуйся, отроча добродушевное и благонадежное.

Радуйся, детище, всякия благодати Божия исполненное!

Радуйся, навывкувший хранить страх Божий, премудрости начало.

Радуйся, всем соучающимся тебе бывший добродетели зеркало!

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте. Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний. И школы грамотности, которых было очень немного в то время, учреждались попечениями епископов и вообще духовенства. Ростовским епископом в то время, о котором мы говорим, был Прохор, муж учительный и благочестивый. Под его руководством и учителями в школы назначались, конечно, люди богобоязненные.

Вместе с Варфоломеем учились и два брата его: старший Стефан и младший Петр. Братья обучались успешно, хотя Петру в то время не было и шести лет, а Варфоломей далеко отставал от них. Учитель наказывал его, товарищи упрекали и даже смеялись над ним, родители уговаривали, да и сам он напрягал все усилия своего детского ума, проводил ночи над книгой и часто, укрывшись от взоров людских, где-нибудь в уединении горько плакал о своей неспособности, горячо и усердно молился Господу Богу: «Дай же Ты мне, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня, Господи, просвети и вразуми!» Но грамота все же ему не давалась. «Тяжелое чувство испытывает человек, – говорит святитель Платон, – когда всей душой желает учиться, чувствует в себе пламенное влечение к просвещению, но на пути к достижению цели его желаний встречаются какие-либо непреодолимые препятствия». Сильно огорчалось своей безуспешностью и доброе дитя. Немало печалились о том и родители его, и учитель: всем было прискорбно, что мальчик лишается великого дара Божьего – в учении книжном. Но, видно, нужно было, чтобы отрок, о котором были столь добрые предзнаменования, ранним опытом научился, что никакого успеха, никакого знания, никакой способности не должно приписывать себе, но единственно Богу, Отцу светов, от Которого свыше сходит *всякое даяние благо и всякий дар совершенный* (Иак. 1, 17), и смиряться под крепкую руку (1 Пет. 5, 6) Того, Кто один *просвещает всякого человека, грядущаго в мире* (и н. 1, 9). Чего, однако же, не преодолеют прилежание и труды, а наипаче молитва, и особенно молитва, исходящая от чистого сердца невинного дитяти? и вот Господь, *близ сущий всем призывающим Его во истине* (Пс. 144, 18), внял, наконец, и усердной молитве благоразумного отрока Варфоломея и даровал ему просимое.

Раз отец послал его в поле искать жеребят, каковое поручение пришлось особенно по душе мальчику, любившему уединяться от людей. Здесь-то и случилось с ним нечто подобное тому, что было с Саулом, который, будучи также послан отцом своим для отыскания заблудившихся ослят, встретил пророка Самуила, возвестившего ему, что он будет царем над Израилем. На поле, под дубом, увидел Варфоломей незнакомого старца-черноризца, саном пресвитера; благоговейный и ангелоподобный старец приносил здесь свои молитвы Богу Вездесущему и изливал пред Всеведущим слезы сердечного умиления. Поклонившись ему, скромный отрок почтительно отошел в сторону, не желая прерывать его беседы с Богом, и стал вблизи, ожидая окончания молитвы. Старец окончил молитву, он с любовью взглянул на доброе дитя и, прозревая в нем духовными очами избранный сосуд Святаго Духа, ласково подозвал его к себе, благословил его, отечески поцеловал и спросил: «Что тебе надобно, чадо?»

Хотя мальчик был послан искать коней, но его тоскующая душа и теперь была всецело занята невеселыми мыслями о своей неспособности к учению; он забыл на этот раз о конях и с детской простотой поведал старцу свое сердечное горе.

«Меня отдали учиться грамоте, – сказал сквозь слезы Варфоломей, – и больше всего желала бы душа моя научиться читать Слово Божие, но вот, сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том; помолись за меня Богу, отче святой, попроси у Господа, чтобы Он открыл мне учение книжное, я верю, что Бог примет твои молитвы».

Умилился старец от таких речей малого отрока, он видел его усердие и, любуясь красотой детской души, отражавшейся на его кротком лице, воздел руки, возвел очи на небо, вздохнул к Богу из глубины сердечной и стал молиться, испрашивая дитяти просвещения свыше. О, как пламенна была эта молитва таинственного старца под открытым небом, под тенью дуба, и с каким трепетом надежды соединял с ней свою чистую детскую молитву блаженный Варфоломей! В этом трогательном единении двух душ – убеленного сединами старца и малого отрока – их общая молитва, как чистый фимиам, восходила на небо и достигла престола Всевышнего...

Старец заключил свою вдохновенную молитву священным словом «аминь» и бережно вынул из-за пазухи небольшой ковчежец. Открыв его, он взял оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя ею Варфоломея, молвил: «Возьми сие, чадо, и снеждь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала: велика сладость вкушения от нея».

Нужно ли говорить, с каким восторгом принял святой отрок этот благодатный дар? Слезы радости блестели в его детском взоре, с благоговением вкусил он от св. хлеба и какой же сладкой показалась ему эта таинственная пища!

– Не об этом ли сказано в псалмах, – сказал он старцу, – *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим, и душа моя возлюби я зело!* (Пс. 118, 103).

Заметим, что юный Варфоломей, по святой любознательности и усердию, много псалмов заучил наизусть со слов своих благочестивых родителей и, конечно, повторял их в своих уединенных прогулках по полям и лугам своей родины. Поэтому и теперь пришли ему на память приведенные слова Псалмопевца.

– Если веруешь, чадо, – отвечал ему старец, – больше сих узришь. А о грамоте не скорби: ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других будешь пользоваться.

Радуюсь от всей души, что Бог привел ему встретиться с таким святым старцем, Варфоломей сладостно внимал его душеполезным наставлениям; как семена на добрую землю, так и благодатные слова старца ложились на его доброе сердце.

Довольно научив его о спасении души, старец хотел уже идти в путь свой, но благоразумный отрок не хотел расстаться со святым наставником, он пал к ногам его и со слезами умолял войти в дом его родителей. «Родители мои, – говорил Варфоломей, – очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения!»

Сколько детской простоты слышится в этих речах доброго мальчика! В них сказалась вся любящая душа святого дитяти, и как счастливы родители, которых Бог благословил такими детьми! Поистине такие дети – Божие благословение, они не только в себе самих носят это благословение небесное, но и собирают его, так сказать, отовсюду, чтобы привлечь на дом родительский.

С улыбкой любви последовал старец за своим юным странноприимцем, и с честью его встретили родители Варфоломея. Для благочестивых людей такой старец-инок – всегда желанный гость, а Кирилл и Мария особенно любили принимать и покоить у себя в доме иноков. Приняв благословение от старца, они предложили ему радушное угощение. Но гость медлил садиться за стол. «Прежде следует вкусить пищи духовной», – заметил он и направился в

моленную, которая в старое доброе время имелась в каждом доме благочестивых князей и бояр. Туда пригласил он с собой Варфоломея и, благословив начало третьего часа, велел ему читать псалмы...

Напрасно изумленный отрок отговаривался неумением, старец сам дал ему в руки книгу и настоятельно сказал, чтобы тот читал Слово Божие без сомнения. И что же? Отрок взял благословение от старца и, благоговейно осенив себя крестным знамением, начал стихословить Псалтирь стройно и внятно! И сам он, и родители, и братья не могли надивиться, как хорошо читает он. Ведь до сего времени он так тупо учился и мало понимал! Так впоследствии об этом рассказывал сам преподобный. Над ним сбылось, замечает блаженный Епифаний, слово Пророка: *так о глаголет Господь: се дах словеса Моя во уста твои* (Иер. 1, 9).

После того святой гость вкусил предложенной ему трапезы и, благословив радушных хозяев, хотел удалиться, но благочестивым боярам жаль было так скоро отпустить его, им хотелось еще побеседовать с опытным в духовной жизни старцем, в котором они уже приметили дар прозорливости. Между прочим, они рассказали ему, как сын их, будучи еще во чреве матери, троекратно прокричал в церкви, и желали знать, что думает старец об этом случае, который самой необычностью своей заставляет их невольно задумываться над ним.

– О, добрые супруги! – сказал им на это старец, – вот Господь удостоил вас такой великой милости – дал вам такого сына, зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха? Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким детищем. Он предызбрал вашего сына еще прежде его рождения. А что я говорю вам истину – вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно будет читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!

Старец встал, чтобы идти. На пороге дома он еще раз обратился к родителям Варфоломея и вымолвил в пророческом духе такие загадочные слова: «Отрок будет некогда обителем Пресвятой Троицы, он многих приведет за собой к уразумению Божественных заповедей».

Гостеприимные хозяева проводили странника до ворот своего дома, но тут он вдруг стал невидим, так что Кирилл и Мария невольно подумали: не Ангел ли Божий был послан к ним, чтобы даровать премудрость их сыну? И глубоко сохранили они в благоговейных сердцах своих его таинственные глаголы.

Между тем, как говорил старец, так и сбылось: с отроком произошла чудная перемена. Какую бы книгу ни раскрыл он, тотчас же начинал читать ее без всякого затруднения, понимая и смысл того, что читал. Так дар Божий, столь неожиданно ему ниспосланный, воздействовал в юном Варфоломее и просветил ум его. Нет нужды говорить, что после этого случая он скоро опередил в учении как братьев своих, так и прочих товарищей.

Нередко можно и в наше время встретить примеры горячего детского благочестия, продолжительности горячих, со слезами, молитв, любви к Богослужению, усердного стремления подражать подвигам святых отцов; это бывает в тех благочестивых семействах, в которых дети воспитываются в страхе Божиим, на чтении житий святых, под сенью храма Божьего. А в древней Руси все воспитание детей велось в строго церковном духе. И это чувство, эти чистые, святые стремления дитяти не скорбь и мрак вносят в его юную душу, но отрадную тишину, ясность и спокойствие. Дитя черпает в них духовную силу и крепость: в его душе слагаются светлые образы (идеалы) жизни святой, жизни по Евангелию Христову, – образы, которые сродняются с его юным сердцем и становятся для него на всю жизнь заветной святыней, к которой с теплым чувством обращается потом человек даже в глубокой старости. И чем сильнее эти святые стремления в детстве, тем больше они освещают впоследствии мрак жизни в сей юдоли земной, они примиряют утомленного невзгодами жизни пришельца земли с его нерадостной долей и поддерживают, ободряют, утешают в его многотрудном странствовании к отечеству небесному.

Так было и с отроком Варфоломеем. Рано в его душе, воспитанной примерами и уроками благочестия, раскрылось чувство любви к молитве и готовность к подвигам для угожде-

ния Богу. Простое доброе сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божией; посему-то и сказал Господь о детях: *таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14). Рано низошла благодать Божия и в невинное сердце отрока Варфоломея и воцарилась там. Всей душой Варфоломей полюбил Богослужение церковное и не опускал ни одной службы церковной. Наши предки не знали и не любили читать какие-либо книги светского содержания; жития святых, святоотеческие писания, разные Палеи, сборники, летописные сказания о минувших судьбах родной земли – вот книги, которые были любимым чтением того времени. Конечно, в доме благочестивого боярина Кирилла не было недостатка в таких книгах, отрок Варфоломей их читал и перечитывал, и кто знает, может быть, некоторые рукописи XII–XIV века, оставшиеся в библиотеке Лавры от времени самого ее основателя, были принесены им в пустыню, как единственное дорогое наследство после его родителей. Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей «не так, – замечает святитель Филарет, – как многие долголетние ученые, которых учение цветет в словах, но в делах не созревает». Он скоро понял, что еще в отроческом возрасте страсти уже начинают проявлять свою губительную силу, которую сдержатъ стоит немалого труда; а кто хоть раз поддастся в юности их влечению и попустит им связать себя порочными склонностями, тому и подавно тяжело преодолеть их. И вот благоразумный отрок принимает все меры, чтобы оградить себя от их воздействия, и пресекает все пути, которыми они обыкли находить доступ к сердцу человека. Так, прежде всего он совершенно уклоняется от детских игр, шуток, смеха и пустословия, помня, что *тлят обычаи благи беседы зла* (1 Кор. 15, 33), и что со строптивым легко можно и самому развратиться (Пс. 17, 27). Потом, сознавая, что воздерживать себя во всем есть лучшее средство сдерживать страсти, а свободный от страстей дух и непомятенная ими мысль всегда бывает способнее к восприятию благодати Божией, святой отрок налагает на себя строгий пост: по средам и пятницам он не позволяет себе вкушать ничего, а в прочие дни питается только хлебом и водой. О каких-нибудь других питиях, не говоря уже о вине, он не позволяет себе и помыслить во всю свою жизнь.

Заботливая мать старалась умерить строгость его поста. «Не изнуряй себя излишним воздержанием, сын мой, – говорила она, – чтобы тебе не заболеть от истощения сил, тогда и нам немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твоё тело еще растёт, посмотри, никто в твоём возрасте не принимает на себя такого поста, ни братья твои, ни товарищи так не постятся, как ты; другие дети семь раз на дню поедят, а ты, дитя моё, ешь только раз в день, а то и через день. Перестань так делать, это тебе не по силам, всякое добро хорошо в меру и в своё время. Вкушай пищу по крайней мере вместе с нами».

Но благоразумный отрок кротко отвечал на эти увещания любящей матери: «Не стесняй меня в этом, родная моя, чтобы не пришлось делать так против воли твоей. Не отклоняй меня от воздержания, которое так сладостно душе моей, зачем советуешь своему сыну бесполезное? Ведь вы же сказывали мне, что я ещё в колыбели постился по средам и пятницам, как же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Он избавил меня от грехов моих?»

– Тебе нет ещё и двенадцати лет от роду, – возражала ему мать, – а ты уже говоришь о грехах своих! Мы видели над тобой явные знамения благодати Божией, ты избрал благую часть, которая не отнимется у тебя, что у тебя за грехи?

– Перестань, матушка, – со сдержанным огорчением отвечал ей сын, – что ты это говоришь? Тебя увлекает естественная любовь твоя к детям, но послушай, что говорит Святое Писание: *никтоже чист пред Богом, аще и един день жития его будет на земли* (Иов. 14, 5); никто не безгрешен, токмо один Бог, а Божественный Давид о нашей худости говорит: *в беззаконных зачат есмь, и во грехах роди мя мати моя* (Пс. 50, 7), сего ради да не похвалится всяк человек! *Брашно и питие, конечно, не поставит нас пред Богом!*» (1 Кор. 8, 8).

Мать удивлялась разумным речам своего сына и не желая препятствовать его доброму произволению о Боге, обыкновенно говорила ему: «Если ты так рассуждаешь, то делай, как хочешь, Господь с тобою, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя мое!»

И святой отрок никогда не позволял себе даже отведать каких-нибудь сладких блюд или напитков, следуя мудрому наставлению Великого Василия: «Аще хочещи внити в рай, удержи чрево, бежи пьянства». Так, укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей: как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них.

«И виден был в нем прежде иноческого образа совершенный инок, – говорит блаженный Епифаний, – поступь его была полна скромности и целомудрия, никто не видал его смеющимся, а если и появлялась иногда кроткая улыбка на его прекрасном лице, то и она была сдержанна; а чаще лицо его было задумчиво и серьезно; на глазах его нередко заметны были слезы – свидетели его сердечного умиления; его уст никогда не оставляли Богодухновенные псалмы Давидовы. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовью принимал случайные неприятности. Ходил он в плохой одежде, а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.

Благоговейное устройство юной души Варфоломея естественно располагало его искать уединения, где бы мог он, наедине с Богом, изливать в слезной молитве пред Ним все святыя чувства невинного сердца и в самопредании воле Божией искать подкрепления духу на предстоящем жизненном пути. Он так и делал. Особенно любил он молиться по ночам, иногда совсем проводя ночи без сна и все это стараясь тщательно укрыть от домашних. И какой же детской доверчивостью и пламенной любовью к Богу, какой, так сказать, мудрой простотой дышала его чистая молитва! «Господи! – так взывал он в умилении сердечном. – Если верно то, о чем поведали мне родители мои, если прежде моего рождения на свет Ты уже благоволил явить на мне, убогом, дивные знамения благодати Твоей, то да будет воля Твоя, Господи! Будь, Господи, милость Твоя на мне! И дай же мне, Господи, измлада возлюбить Тебя всем сердцем моим и всей душой моей и поработи единому Тебе, яко к Тебе привержен есмь от утробы матери моея, от ложесн, от сосцу матери моей Бог мой еси Ты! И как посетила меня благодать Твоя, когда я был еще во чреве матери моей, так не оставь меня и ныне, Господи! Отец мой и мати моя – придет время – оставят меня, а Ты восприими меня, со делай меня Своим, причти меня к избранному Твоему стаду! Тебе предоставлен я, бедный, от самых пелен, избави же меня, Господи, от всякой нечистоты, от всякой скверны душевной и телесной; сподоби меня творити святыню во страхе Твоем, Господи! К Тебе единому пусть стремится сердце мое, да не усладят меня все сладости мира сего, да не прельстят меня все красоты житейские, к Тебе единому пусть прилепится душа моя и да восприимет меня десница Твоя... Не попусти мне когда-нибудь возрадоваться радостью мира сего, но исполни меня, Господи, радостью духовною и неизреченною сладостью Божественною; Дух Твой благий да наставит мя на землю праву!»

И невольно каждый, видевший такое доброе устройство Варфоломея, любовался им, невольно говорил про себя с удивлением: что-то выйдет из такого отрока, которого Бог сподобил такой благодати с раннего детства?

А отрок между тем становился юношей и, возрастая годами, возрастал и в благочестии. И само собой зарождалось в нем желание иноческого подвига, и с каждым днем все больше и больше росло и созревало это желание, пока, наконец, не обратилось в пламенную жажду души, которой томился некогда венценосный подвижник и пророк, и взывал: *желает и скончается душа моя к Богу крепкому, Богу живому: когда же, наконец, прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 3).

Но не в Ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое тогда потеряло уже свое значение, суждено было исполниться этим заветным мечтам. Там, по выражению песни церковной, первые искры Божественного желания только начали возжигать сей великий светиль-

ник, но не там надлежало ему возгореться. Ему назначено было Промыслом Божиим просиять в мрачной пустыне, среди дремучих лесов радонежских, чтоб оттуда светить светом своей жизни святой и своего благодатного учения только что возникавшей тогда из безвестности Москве, которая готовилась быть первопрестольной столицей всей Русской земли, а с Москвой – светить и всему Православному Царству Русскому.

Посмотрим теперь, как перенесен был благодатный светильник сей из пределов Ростова Великого в пределы незнатного Радонежа, перенесен невидимой рукой Промысла Божьего, руководившего обыкновенными путями дел человеческих.

Глава III

Покорный юноша

*Радуйся, яко от младых ногтей последовал еси Христу.
Радуйся, от юности твоя всем сердцем и мыслию Бога
возлюбивый.
Радуйся, любви ради Зиждителя твоего земная к земле
возвративый.
Радуйся, приобретением ради Христа уметь вся быти вменивый.*

Здесь уместно сказать несколько слов о том, в каком состоянии находилась в описываемое нами время Русская земля, чтобы знать, при каких обстоятельствах жили родители Варфоломеевы и среди каких условий воспитывался сам Варфоломей. Раскроем на минуту скорбные страницы родной нашей истории, чтобы яснее видеть, какого великого мужа послал Бог многострадальному отечеству нашему в лице смиренного Своего избранника. На темной картине исторических событий его светлый образ выступает пред нами во всей своей неземной красоте.

Поистине трудные были тогда времена!.. Тяжким бременем лежало иго татарское на плечах русского народа. О том, чтобы сбросить с себя это ненавистное иго, никто не смел и подумать. Князья то и дело ходили в

Орду, то на поклон грозным тогда ханам монгольским, то судиться и тягаться между собой, и сколько благородной крови княжеской пролито в Золотой Орде по зависти и братоубийственной ненависти честолюбивых соперников? Наш историограф Карамзин справедливо замечает, что «древняя русская пословица “близ Царя – близ смерти” родилась тогда, как наше отечество носило цепи монголов. Князья ездили в Орду как на Страшный Суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостью царской, или, по крайней мере, с головой! Нередко там они и душу свою полагали за веру Православную и за святую Русь. А потому, отправляясь в Орду, они обыкновенно писали духовные завещания, прощаясь навсегда со своей семьей. Народ страдал от своеволия грубых и гордых татарских численников и баскаков (чиновников), которые разъезжали по всем городам. Не было от них никому пощады, что хотели, то и делали: города и селения жгли и грабили, храмы Божии разоряли или оскверняли, а людей убивали или увозили в плен. Даже купцы, даже просто бродяги монгольские обходились с нашими предками как с презренными рабами. При таких неурядицах, при недостатке единой сильной власти был полный простор страстям негодных людей, которых и всегда бывает немало, а в такие тяжкие времена число их обыкновенно увеличивается. Иго татарское не прошло бесследно и в народной нравственности: «забыв гордость народную, – говорит Карамзин, – мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославина до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; воровство сделалось общей язвой собственности...»

Да, тяжело было Русской земле в те скорбные времена, трудно, невозможно было одолеть сильного врага, и именно потому, что князья Русские все больше ссорились между собой, единства не было, по клочкам была разделена вся обширная Русская земля. И если бы не осознали наконец необходимости этого единства – кто знает? – может быть, и совсем погибла бы

Русь Православная, подпав владычеству более опасных врагов, каковы были в то время Литва, Польша, Венгрия и Швеция.

Но Бог не попустил случиться такой беде. Раньше всех поняли опасность наши первосвятители, они всегда твердили князьям, что единодушие между ними необходимо для спасения России от окончательной гибели. Когда было можно, святители всегда являлись миротворцами в усобицах княжеских, действуя и словом убеждения, и силой духовной власти. А прозорливый святитель Петр положил прочную основу объединению Русской земли, переселившись навсегда из Владимира-на-Клязьме в незнатный тогда городок Москву, к умному и благочестивому князю Иоанну Даниловичу Калите. Этот князь стал настойчиво приводить в исполнение намеченную еще его отцом мысль объединения Русской земли и присоединял одно за другим соседние княжества к Московскому. Святитель Петр, незадолго перед кончиной своей, ободрил князя предсказанием о будущем величии Москвы. «Если ты, сын мой, – говорил он в духе пророчества, – успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде; святители захотят обитать в оном, и руки его взыдут на плеча врагов наших». Иоанн исполнил завет старца-митрополита, и Бог благословил успехом его начинания на пользу отечества. Москва мало-помалу стала возвышаться над другими городами, а сам Иоанн заслужил славное имя собирателя Русской земли. Через сто лет с Москвой никто уже не дерзал спорить о первенстве: она объединила под собой всю тогдашнюю Русь, и это объединение не только спасло Россию от конечного разорения, но и помогло ей сбросить иго монгольское.

Но нелегко было удельным князьям расставаться со своей свободой. Московский князь действовал властно, иногда ничем не стесняясь, ни перед чем не останавливаясь. Даже в тех случаях, когда присоединение соседних уделов совершалось мирным путем, посредством, например, родственных союзов с Великим князем Московским, и тогда Иоанн Данилович не задумывался распоряжаться удельными, как ему хотелось. Так он выдал своих дочерей: одну за Василия Давидовича Ярославского, а другую за Константина Васильевича Ростовского, и, действуя как глава России, предписывал своим зятям законы в их собственных областях. «Горько тогда стало городу Ростову, – со скорбью повествует летописец, – и особенно князьям его! У них отнята была всякая власть и имение, все же честь их и слава потягнули к Москве». Послан был на Ростов в сане воеводы московский вельможа Василий, прозванием Кочева, и с ним другой, по имени Мина; по прибытии в Ростов они стали действовать полновластно, притесняя жителей так, что многие ростовцы вынуждены были отдавать москвичам свои имущества поневоле, за что получали только оскорбления и побои и доходили до крайней нищеты. Трудно и пересказать все, что потерпели они: дерзость московских воевод дошла до того, что они повесили вниз головой ростовского градоначальника, престарелого боярина Аверкия, поставленного еще князем Василием Константиновичем, и в таком виде оставили его на поругание. Так поступали они не только в Ростове, но и по всем волостям и селам его. Народ роптал, волновался и жаловался на эти своеволия, все говорили, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились своей власти, что Москва тиранствует...

Не избежали, конечно, этих народных скорбей и праведные родители Варфоломея. Славный и именитый некогда боярин Кирилл, еще ранее описанных событий в Ростове, под старость стал терпеть нужду. Частые путешествия в Орду со своим князем, тяжкие дани и непосильные подарки ордынским вельможам, без чего никогда не обходились эти путешествия, жестокий голод, нередко опустошавший Ростовскую область, а больше всего, говорит преподобный Епифаний, великая рать, или нашествие Туралыково в 1327 году, – все это вместе отозвалось крайне неблагоприятно на его состоянии и почти довело его до нищеты. Очень вероятно также, что своеволие московских наместников, которые распоряжались в Ростове как независимые государи, не пощадило и Кирилла, как ближнего боярина князей Ростовских, может быть, и он лишился тогда не только чести своей, но и всего своего достояния. Тяжело

было Кириллу после всего, что испытал он в Ростове, оставаться там, а может быть и прямо приказано было от наместников московских удалиться из Ростова, и потому он решил, что лишь только откроется возможность, покинуть родной город и перейти на службу к другому князю.

Случай скоро представился. В 12 верстах от Троицкой Лавры, по направлению к Москве, есть село Городище, или Городок, которое в древности носило имя Радонежа. В 1328 году, отправляясь в Орду, Великий князь Иоанн Данилович написал духовное завещание, в коем, между прочим, назначил «село Радонежское» в удел Великой Княгине Елене «с малыми детьми» нераздельно. Вскоре после того село это перешло в полную собственность младшего сына Иоаннова Андрея. Великий Князь, по малолетству Андрея, поставил в Радонеж наместником Терентия Ртища, который желая привлечь большее число поселенцев в этот почти незаселенный тогда край, объявил именем Князя разные льготы переселенцам. Лишь только это стало известно в Ростове, многие из его жителей, в надежде найти себе облегчение, потянулись в Радонеж. В числе таких переселенцев Епифаний называет Протасия-тысяцкого, Георгия, сына Протопопова, с родом его, Иоанна и Феодора Тормасовых, их родственников Дюдены и Онисима, бывшего ростовского вельможу, а впоследствии диакона и ученика Сергиева. В числе их переселился и блаженный Кирилл со всем своим семейством и водворился в Радонеже близ церкви Рождества Христова.

По обычаю того времени Кирилл должен был получить поместье, но сам он, по старости, уже не мог нести службы, и потому обязанность эту принял на себя старший сын его Стефан, который, вероятно, еще в Ростове женился. Младший из сыновей Кирилла, Петр, также избрал супружескую жизнь, но Варфоломей и в Радонеже продолжал свои подвиги. Размышляя о суете всего земного, блаженный юноша нередко повторял сам себе слово пророческое: *«Кая польза в крови моей, вегда сходити мы во истление?»* (Пс. 29, 10). Правда, мир и все, что в мире, создано Богом для блага людей, но все это человеческими страстями, насилиями, неправдами до того извращено, что жизнь человеческая не представляет почти ничего, кроме труда и болезней, и для желающего в кротости духа устроить свое спасение со всех сторон встречаются препятствия и соблазны». Рассуждая таким образом, Варфоломей стал просить у своих родителей благословения избрать путь иноческой жизни. Не раз он говорил отцу: «Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь».

– Помедли, чадо, – отвечал ему на это отец, – сам видишь, мы стали стары и немощны; послужить нам некому: у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты печешься, како угодити Господу

Богу, это дело хорошее, но верь, сын мой, твоя благая часть не отнимется у тебя, только послужи нам немного, пока Бог явит милость Свою над нами и возьмет нас отсюда. Вот проводи нас в могилу, тогда уже никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание.

И благодатный сын повиновался: он прилагал все свое старание угодить святым родителям и упокоить их старость, чтобы заслужить себе их благословение и молитвы. Не связанный семейными заботами, он всего себя посвятил упокоению родителей, а по своему кроткому, любящему характеру был как нельзя более способен к этому.

Какой прекрасный, поучительный пример и благоразумия родительского, и послушания сыновнего! Кирилл и Мария не усиливаются погасить возгорающееся в сыне своем Божественное желание, не принуждают его связать себя с суетой мира узами брачными, как делают многие родители века сего, они только указывают ему на свои нужды и немощи, а втайне, вероятно, более имеют в виду его молодость и дают ему случай еще испытать самого себя и укрепиться в святом намерении, дабы он, возложив руку на рало, уже не озибался вспять. Но и Варфоломей не следует примеру своевольных детей века сего, из коих многие, даже в обыкновенных мирских делах, не хотят покорить воли своей воле родителей и ни во что ставят и нужды и желания; нет, благоразумный юноша знает достоинство того, чего желает. Однако ж, взирая на

заповедь Божью *чти отца и мать* (Мф. 15, 4), соглашается до времени томить себя неисполненным желанием, дабы сохранить повиновение родителям и через то наследовать их благословение – так дорожил он этим благословением! И родители, конечно, от всего любящего сердца благословляли послушного сына святыми своими благословениями до последнего своего вздыхания.

Но дух иночества нечувствительно сообщился от сына родителям: при конце своей многоскорбной жизни Кирилл и Мария пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельский образ. Верстах в трех от Радонежа был Покровский Хотьков монастырь, который состоял из двух отделений: одного для старцев, другого для стариц. В этот монастырь и направили свои стопы праведные родители Варфоломеевы, чтобы здесь провести остаток дней своих в подвиге покаяния и приготовления к другой жизни. Почти в то же время произошла важная перемена и в жизни старшего брата Варфоломеева – Стефана: недолго жил он в супружестве, жена его, Анна, умерла, оставив ему двух сыновей – Климента и Иоанна. Похоронив супругу в Хотьковом монастыре, Стефан не пожелал уже возвратиться в мир. Поручив детей своих, вероятно, Петру, он тут же, в Хотькове, и остался, чтобы, приняв монашество, вместе с тем послужить и своим немощным родителям. Впрочем, претруженные старостью и скорбями, схимники-бояре недолго потрудились на своем новом звании: не позже 1339 года они с миром уже отошли ко Господу на вечный покой. Дети почтили их слезами сыновней любви и похоронили под сенью той же Покровской обители, которая с сего времени сделалась последним приютом и усыпальницей рода Сергиева.

После удаления старшего брата в монастырь Варфоломей остался полным хозяином в доме родителей. Кончину их он принял как поданный Провидением Божиим знак к исполнению своего заветного намерения. Отдавая им последний долг сыновней любви, он неотлучно провел в Хотькове монастыре сорок дней, пока совершалось установленное Церковью поминовение новопреставленных. Свою молитву о упокоении душ их он соединял с делами милосердия: каждый день кормил нищих и раздавал бедным остатки небогатого имущества почивших. В духовной радости возвратился он наконец в Радонеж: теперь никто и ничто не могло удержать его в мире, среди столь несносной для души его суеты... С наслаждением повторял он изречения Священного Писания, которые так подходили теперь к его устройству душевному: *изыдите от среды их и отлучитесь, и ничему, сущему в мире, не прикасайтесь* (2 Кор. 6, 17); *отступите от земли и взойдите на небо. Прильпе душа моя по Тебе, Господи, мене же прият десница Твоя!* (Пс. 62, 9).

Вот какими чертами изображает состояние души Варфоломеевой в это время святитель Платон: «Читал Варфоломей во Святом Евангелии: *приидите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), читал он и размышлял: что может быть желательнее сего? Я, я – из числа сих труждающихся, я – из числа обремененных... Чувствую в себе силу страстей, совесть моя трепещет суда Божия... Сосуд избранный, апостол Павел, говорит о себе, что он – первый из грешников. А мне что иное о себе сказать? и внешние обстоятельства своей прискорбностью гонят меня в пустыню... Отовсюду я утружден и обременен; но вот, Господь глаголет в Евангелии: *прииди ко Мне, и Аз упокою тя*. Можно ли пренебрегать тем, чего всеми силами искать надобно? Сам Господь ищет меня и сретае со Своим вожделенным покоем. И как же я был бы неразумен, если бы вздумал отказаться от сего неоцененного сокровища! Нет, пойду, побегу за гласом сим, Он солгать не может. Сердце мое Он зажег, не могу успокоиться, пока обещанного Им покоя не найду! *Се удалюся бегая и водворюся в пустыни, буду чаять Бога спасающего мя от малодушия и от бури!*» (Пс. 54, 8–9).

Обращал Варфоломей в благоговейном сердце своем и другое слово Господа: *еще кто грядет ко Мне, и не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 26, 33). Желая последовать сему слову спасительному, он передал своему меньшему брату Петру все, что осталось после родителей. Так сделан был решительный шаг, и святой юноша, на 21-

ом году своей жизни, бодро вступил на новый путь, полный скорбей и лишений, и, подклонив свою главу под благое иго креста Христова, устремился к вожденным для него подвигам духовным, как жаждущий олень стремится к живительным источникам водным...

«Он оставил мир, – говорит святитель Филарет Московский, – когда мир еще не знал его, и впоследствии не восхотел стать даже в такое состояние, которое хотя и в мире, но не от мира и не для мира (разумею сан святительский); самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться со сладкой пустыней или хотя бы только принять от руки Святителя священное украшение, как благословение архипастырское, потому что сие украшение (крест) было сделано из золота...»

Глава IV

Братья в пустыни

Радуйся, иго Христово благое понесиши измлада.

Радуйся, не отвративыйся вспять в шествии до горного града!

Радуйся, вся мира сего красная яко скоро исчезающая презревай.

Радуйся, зеркало совершенного терпения.

Расстался Варфоломей с Радонежем и пошел в Хотьков, который теперь был для него роднее Радонежа. Можно ли изъяснить то блаженное состояние, в каком находилась тогда его чистая душа, вся объятая пламенем Божественной любви? Опытные в духовной жизни подвижники говорят, что в начале подвига душа обыкновенно горит неизъяснимой жадой подвига, все кажется возможным, всякий труд – легким, всякое лишение – ничтожным. Благодарь Божия, как нежная, любящая мать, дает новонаначальному подвижнику вкушать тех благ неизреченных, которые ожидают его по совершении подвига, дает, без всякой с его стороны заслуги, для того, чтобы он знал, что получит по очищении своего сердца от страстей, и потому не ослабевал в борьбе с врагами спасения. И блажен, кто не был рабом своих страстей, кто сохранил непорочность детства в юности и от юности взял крест свой, чтобы идти за Господом! Тогда как другие подвижники всю жизнь свою проводят в тяжелой борьбе со своими страстями и благодать Божия действует в них сокровенно, лишь изредка утешая их сладостным ощущением своего присутствия и снова скрываясь, дабы они не впали в высокое о себе мнение, – сей избранник сердца, незнакомого с грязью порока, скоро уподобляется благодатного покоя бесстрастия. К таковым, по преимуществу, можно отнести слова Лествичника: «Исшедший от мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество (страстей), вскоре возжжет сильный пожар» и истребит страсти. К числу таких избранников благодати принадлежал и Варфоломей. Давно горел в душе его этот благодатный огонь, а теперь он проник все его духовное существо. Его мысль уже витала в дебрях пустынных.

В Хотькове, как уже знают читатели, смиренно подвизался вблизи трех дорогих могил старший брат Варфоломея Стефан. К нему-то и спешил блаженный юноша. Скромный, с детства привыкший подчинять свою волю воле старших, он и теперь боялся положиться на себя и надеялся иметь в брате-иноке верного спутника и опытного руководителя на новом многотрудном жизненном пути. Оставаться в Хотькове у него не было намерения – его душа жаждала безмолвия пустыни: чем больше представляла труда одинокая жизнь пустытника, чем больше было в ней лишений, – тем для него казалось лучше.

И вот Варфоломей в Хотьковской обители. Он упрашивает брата идти с ним искать места для пустынножительства. Стефан не вдруг решается на такой подвиг. Недавний мирянин, поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители, он не думал принимать на себя подвига выше меры своей и желал проходить обычный путь жизни монашеской в стенах монастырских. Но Варфоломей просит, умоляет, и добросердечный Стефан уступает наконец неотступным просьбам любимого младшего брата и, «принужен быв словесы блаженного», соглашается. Братья оставляют гостеприимную обитель и идут в самую глушь соседних лесов...

В те времена каждый, желавший уединенной жизни, мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут. Земли было много свободной, не принадлежащей частным владельцам. Когда собиралось около пустынников несколько человек, то строили церковь, испрашивали у князя право на владение местом, а у местного святителя – разрешение освятить церковь, и обитель основывалась. Но Варфоло-

мей не думал строить обитель, не желал собирать около себя братию, у него было одно заветное желание: укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, укрыться так, чтобы мир никогда не нашел его и совсем позабыл отшельника.

Долго ходили братья по окрестным лесам, наконец им понравилось одно место, удаленное не только от жилищ, но и от путей человеческих. Это место было Самим Богом предназначено к устройению обители: над ним и прежде видали достойные люди – одни свет, другие огонь, а иные ощущали благоухание. Оно находилось верстах в десяти от Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась над соседней местностью в виде маковки, почему и названа Маковцем, или Маковицей. Глубокая дебрь с трех сторон окружала Маковицу, густой лес, до которого еще никогда не касалась рука человеческая, одевал ее со всех сторон сплошной чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумящие вершины. В окружающих эту возвышенность дебрях можно было найти немного и воды, хотя ходить за ней было и неблизко. «Любуясь первобытной красотой местности, – говорит святитель Платон, – Варфоломей представлял себе в мысли земной рай, в котором жили праотцы рода человеческого в невинном состоянии до грехопадения». Мы не можем представить себе того восторга, который наполнял тогда душу и сердце молодого отшельника! Наконец-то сбываются его заветные желания, его задушевные мсты: вот она – давно желанная пустыня, вот он – дремучий лес! Мир со всей его суетой, с его житейскими тревожностями остался там, где-то далеко позади Варфоломея, отшельник более не вернется туда. Здесь он найдет свой покой, здесь поселится навсегда, будет беседовать с Единым Богом, разделяя труды со своим родным не по плоти только, но и по духу братом!

Горячо помолились братья на избранном месте пустынного жития, предавая самих себя в руки Божии, они призывали Божие благословение и на самое место своих будущих подвигов. Потом стали рубить лес. С великим трудом переносили они тяжелые бревна на своих, хотя и привычных к труду, но все же боярских плечах. Мало-помалу редела чаща лесная, открывая место, на котором впоследствии суждено было Богом процвести славной Лавре Сергиевой. Отшельники устроили себе сначала шалаш из древесных ветвей, а потом убогую келийку; наконец подле келлии поставили и малую церквицу. Все это было сделано руками самих братьев-трудников, они не хотели приглашать посторонних людей, потому что телесный труд был необходимым условием самой жизни подвижнической.

Когда церковь была готова к освящению, Варфоломей сказал Стефану:

– По плоти ты мне старший брат, а по духу – вместо отца. Итак, скажи мне: во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет ее престольный праздник?

– Зачем спрашиваешь меня о том, что сам лучше меня знаешь? – отвечал ему старший брат. – Ты, конечно, помнишь, как не раз покойные родители наши при мне говорили тебе: «Блуди себя, чадо, ты уже не наше, а Божие. Господь Бог избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери во время литургии». И пресвитер, тебя крестивший, и чудный старец, нас посетивший, говорили тогда, что это трикратное приглашение твое предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятой Троицы, итак, пусть церковь наша будет посвящена Пресвятому Имени Живоначальной Троицы; это будет не нашемышление, а Божие изволение;

пусть же благословляется здесь Имя Господне отныне и во веки!»

Вдохнул из глубины сердца юный подвижник и сказал брату:

– Ты высказал, господин мой, то самое, что давно было у меня на душе, чего я всем сердцем желал, но не дерзал высказать. Любезно мне слово твое: пусть эта церковь будет освящена во Имя Пресвятой Троицы. Ради послушания я вопрошал тебя, не хотелось мне иметь в сем волю свою, и вот Господь не лишил меня желания сердца моего!

«В сем рассуждении, – замечает один его жизнеописатель, – открылось его глубокое духовное просвещение: самым наименованием храма он проповедовал всем главнейшую истину Христианства – о Триипостасном Божестве».

«Его ум, – говорит святитель Филарет, – устремился тогда к высочайшему христианскому догмату, дабы привлечь за собой умы даже младенцев веры. Посвятив храм сей Имени Пресвятой Троицы, он сделал то, что здесь, в его обители, по самому напоминанию имени храма, каждый поклонник богословствует, исповедует и славит Живоначальную Троицу и, богословствуя, приносит свою молитву».

Затем оба брата пошли в Москву, чтобы испросить благословение Всероссийского Митрополита Феогноста на освящение церкви. Святитель милостиво принял просителей и послал с ними священнослужителей, которые взяли с собой святой антиминс с мощами святых мучеников и все потребное для освящения храма. Церковь, по желанию братьев, была освящена во Имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Так скромно, по-пустынному смиренно, было положено основание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, столько прославленной впоследствии именем преподобного Сергия! «Справедливо сия церковь, – замечает при сем блаженный Епифаний, – наречена во Имя Святой Троицы: она основана благодатью Бога Отца, милостью Сына Божия и поспешением Святаго Духа».

Это произошло в 1340 году, уже при Великом князе Симеоне Иоанновиче Гордом.

«Какой несказанной радостью радовался юный подвижник наш, когда увидел освященным дом Божий! – говорит святитель Платон. – Теперь оставалось ему и самого себя всецело уготовать в жилище Духа Святаго». И он, действительно, еще с большей ревностью стал подвизаться в посте и молитве, в трудах и терпении. Мира как бы вовсе не было для юного отшельника: он умер для мира и мир умер для него навсегда.

Не то было со старшим братом. Суровой, неприветливой показалась ему дикая пустыня. Он видел здесь одни труды и лишения. Никаких удобств для безбедного существования тут не было. Никто не заходил к отшельникам, трудно было достать самое необходимое. На далекое расстояние не было не только сел или дворов, но и пути людского, кругом их убогой келлии и церквицы – непроходимая чаща лесная, с негостеприимными обитателями – дикими зверями...

Не выдержал Стефан этих скорбей пустынных, он вовсе не был подготовлен к ним предшествующей жизнью. Утешаясь семейной жизнью, он, вероятно, не думал не только о пустынных подвигах, но и о монашестве. Тяжкое горе – смерть молодой супруги – побудило его удалиться в обитель, как тихую пристань на море житейском, там, быть может, он и окончил бы дни свои, если бы не Варфоломей. Только усердные просьбы любимого брата вызвали его оттуда, и вот, лишь только он встретился со всей суровой обстановкой отшельнической жизни, как мужество изменило ему, его стала томить тоска нестерпимая, им овладел дух уныния. Напрасно Варфоломей утешал малодушного, уговаривал, упрашивал вооружиться терпением против этого искушения. Хотя не без скорби, Стефан оставил одиноким пустыннолюбивого брата и ушел в Москву. По свидетельству блаженного Епифания, который лично знал Стефана, он любил иноческое житие, много трудился и вел строгую жизнь. Ходил он обыкновенно в убогой одежде. В то время в Богоявленском монастыре подвизался еще простым иноком будущий святитель Всероссийский Алексей. Они духовно полюбили друг друга, рядом всегда стояли в церкви и вместе пели на клиросе. Наставником и руководителем их был старец Геронтий, опытный в жизни духовной. Митрополит Феогност любил Стефана, Геронтия и Алексея и по временам приглашал их к себе для духовных бесед. Сын Калиты, Великий князь Симеон Иоаннович, также отличал своим вниманием и Стефана, и Алексея. По его желанию Митрополит Феогност рукоположил Стефана во пресвитера и назначил игуменом Богоявленского монастыря. Великий князь избрал Стефана в своих духовники. Примеру князя последовали тысяцкий столицы Василий, брат его Феодор и другие знатные бояре. Позднее мы опять встретимся со Стефаном в пустыне Радонежской, хотя уже при других обстоятельствах. Обращаемся к юному Варфоломею.

Хотя и оставил его единоутробный, но на сей раз не единокровный брат, он остался тверд и непоколебим в своем намерении. «Два родные брата, – замечает блаженный Епифаний, – а между тем какая разность в произволении! Оба совещались жить в пустынном уединении, но один из пустыни ушел в городской монастырь, а другой и самую пустыню обратил в город. Что казалось Стефану тяжким и нестерпимым, то было легко и приятно для Варфоломея, которого душа с детства пылала Божественным огнем. И Господь хранил его Своею благодатью среди пустыни, ограждал его Своими Ангелами на всех его путях и, как Сердцевед, видевший его сердечные расположения, уготовлял в нем начальника многочисленной братии и отца многих обителей».

Глава V

Юный пострижник

Радуйся, юность твою в целомудрии обучивый.

Радуйся, яко Деву чисту Жениху Христу себе обручивый!

Все поступки Варфоломея в течение всей его жизни, – говорит святитель Платон, – показывали, что он был муж высокого разума и рассуждения духовного». Рассуждение – дар бесценный, и святые Отцы почитают его выше всех добродетелей. По словам преподобного Иоанна Аествичника, «рассуждение в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать Божественную волю, во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами». «Оно рождается от послушания и смирения», после великого подвига в совершенном отречении своей воли и разума. Тем более достойно удивления, что Варфоломей сподобился сего дара от юности: так чисто было сердце его, так была смиренна и проста его прекрасная душа!

«Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устройства душевного», – говорит Лествичник. В испытании самого себя обнаружилось это духовное дарование и в юном Варфоломее. Как ни горячо желал он облечься в ангельский образ, однако не спешил исполнением своего сердечного желания. Он почитал неосновательным делом связать себя обетами монашества, прежде нежели приучить себя к строгому исполнению всех уставов монашеской жизни, ко всем трудам и подвигам не телесного только, но и внутреннего, духовного делания. Только тогда, когда он достаточно испытал себя во всем этом, он стал усердно просить Господа, чтобы удостоил его столь давно желанного ангельского образа.

В одной из обителей близ Радонежа, быть может в том же Хотькове монастыре, жил смиренный старец игумен, по имени Митрофан. Неизвестно, когда Варфоломей с ним духовно сблизился, может быть, это произошло еще раньше удаления его в пустыню, может быть даже, что Митрофан изредка посещал Варфоломея в его пустынном уединении и служил для него Божественную литургию в его церкви – блаженный писатель жития его ничего не говорит об этом. Он говорит только, что подвижник попросил Митрофана прийти к нему в пустыню и несказанно обрадован был его посещением. Он встретил игумена как дорогого гостя, Самим Богом посланного, и усердно просил его пожить с ним сколько-нибудь в его келье. Добрый старец охотно согласился на это, а Варфоломей, взирая с благоговением на добродетельную жизнь его, прилепился к нему всей душой, как к родному отцу.

Спустя немного времени блаженный юноша во смирении склонил голову пред старцем и стал просить его о пострижении. «Отче, – так говорил Варфоломей, – сотвори любовь ради Господа, одень меня в чин иноческий; возлюбил я сей чин от юности моей и с давнего времени желаю пострижения. Только воля родителей моих долго меня от этого удерживала, но теперь, слава Богу, я от всего свободен и, как олень, жаждущий источников водных, всей душой жажду иноческого пустынного жития».

Не стал противоречить старец игумен его благочестивому желанию, он пошел немедленно в свой монастырь, взял там нескольких из братьев и все, что нужно было для пострижения, и возвратился к отшельнику. 7-го октября 1342 года в убогой церкви пустытника совершилось пострижение двадцатитрехлетнего юноши. В сей день святая Церковь празднует память святых мучеников Сергия и Вакха, по обычаю того времени Варфоломею и было дано имя Сергий.

Окончив обряд пострижения, Митрофан совершил Божественную литургию и приобщил нового инока Святых Христовых Таин. И исполнился благодати Святого Духа новопострижен-

ный, и повеяло в церкви неизреченным благоуханием, и распространилось это дивное благоухание даже за стенами храма пустынного... Так рассказывали о сем впоследствии сами свидетели этого чуда, прославляя Бога, прославляющего угодников Своих.

«И был Сергей первый постриженник своей уединенной обители, первый начинанием и последний мудрованием, первый по счету и последний по тем смиренным трудам, которые сам на себя возлагал. Можно даже сказать, что он был и первый и в то же время последний, потому что, хотя и многие после него в той же самой церкви принимали пострижение, но ни один не достиг меры его духовного возраста. Многие так же начинали подвиг, но далеко не все так и оканчивали. Много было у Сергея учеников, много подвизалось и после него в его обители добрых иноков, но никто не мог сравниться с ним, для всех и навсегда он остался образцом совершенства иноческого! С пострижением он не только отлагал власы главы своей, но с отнятием власов отсекал навсегда и всякое свое хотение; совлекаясь мирских одежд, он в то же время совлекался и ветхого человека, чтобы облечься в нового, хотящего в правде и преподобии истины; препоясывая чресла свои, он уготовлял себя к мужественному подвигу духовному; отрекаясь от всего, что в мире, он, как бы обновляемый юностью, орлом возлетал на высоту созерцаний духовных...»

Так рассуждает о своем великом учителе его достойный ученик, преподобный Епифаний, а кто лучше и ближе мог оценить подвиги его возлюбленного аввы?

Семь дней провел новопостриженный Сергей неисходно в своей церкви, каждый день старец-игумен совершал Божественную литургию и приобщал его Святых Христовых Таин, и во все эти семь дней Сергей ничего не вкушал, кроме просфоры, даваемой ему от постригавшего. Чтобы сохранить бодрым и неразвлеченным ум свой, Сергей уклонялся от всякого поделия; с его уст не сходили псалмы и песни духовные; утешая ими себя, он славословил Бога и зывал к Нему из глубины сердца благодарного: *Господь! возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея* (Пс. 25, 8). *Дожу Твоему подобает святыня в долготу дний* (Пс. 92, 5). *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни! Сердце мое и плоть моя возрадовахся о Бозе живе, ибо птица – душа моя – обрете себе хramину, и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя... Блажени живущии в дому Твоем, во веки веков восхвалят Тя!* (Пс. 83, 2, 4, 3). *Яко лучшие день един во дворах Твоих паче тысяч, изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешничи!* (ст. И). Так ликовала тогда душа Сергиева и горела божественным огнем!

Мир не знает и не может знать тех благодатных утешений, какие ниспосылаются от Бога трудникам спасения. Мир видит только жестокость и тесноту пути иноческого и, не желая расстаться со своим широким путем, отвращается подвига монашеского, называя его бесполезным, неразумным, даже преступным самоистязанием. Не будем говорить ему о том, что ему неудобопонятно: слепому бесполезно говорить о красоте цветов, но пусть бы мир внимательнее присмотрелся хотя только к плодам подвигов иноческих, и тогда бы он познал их великую силу в жизни нравственной и не стал бы называть их бесполезным упражнением. «О вы, – так зывал некогда Московский святитель Платон, – о вы, коих мысль помрачена и сердце расслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божия преподобного Сергея! Что ж? Разве напрасно он столько в подвиге добродетели трудов употреблял? Разве тщетны были те слезы, тот пот, которые он проливал и ими напоевал насажденное в душе своей Божественное семя? О, нет! Вот сколько веков прошло, а имя его все также любезно в устах наших, память его благословенна и следы жизни его святой достопочтенны». Почему? Потому, что при содействии благодати Божией его подвиги преобразили всю нравственную природу его и возвратили ему первобытную чистоту и невинность, вечное блаженство и высокое Богоподобное достоинство – все то, что потеряно было первым Адамом и куплено для всех нас бесценной кровью второго Адама, Господа Иисуса!

Семь дней протекли как один день, настало время Сергию расстаться со старцем-игуменом.

– Вот, отче, – с тихой грустью сказал тогда юный инок своему отцу Евангельскому, – ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким в этой безлюдной пустыне... Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова Пророка: *се удалихся бегая, и водворихся в пустыни...* И благословен Бог, не оставивший без исполнения молитвы моей; благодарю Его благодать, что не лишил меня этой милости жить в пустыни и безмолвствовать... Ты уходишь отсюда, отче, благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении... Вразуми меня: как мне жить теперь в одиночестве, как Господу Богу молиться, как избегать вреда душевного, как противиться врагу и помыслам гордыни, от него всеваемым? Ведь я еще новоначальный инок, я должен во всем просить совета у тебя!

Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника:

– Меня ли, грешного, вопрошаешь о том, что сам не хуже меня знаешь, о честная глава! – сказал Митрофан. – Ты уже приучил себя ко всякому подвигу, мне остается только пожелать, чтобы Господь Сам вразумил тебя и привел в совершенную меру возраста духовного.

Старец побеседовал с ним еще немного о разных случаях в жизни духовной и собрался в путь. Сергей припал к стопам его и еще раз, на прощание, просил благословить его и помолиться за него: «Молись, молись, отче, – говорил он, – чтобы Господь послал мне силы противустать брани плотской и искушениям бесовским, чтоб сохранил Он меня и от лютых зверей среди моих пустынных трудов».

– Благословен Бог, – сказал ему старец, и крепкая вера слышалась в его речах. – Он не попускает нам искушений выше сил наших. Апостол говорит за всех нас: *вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе*. Отходя отсюда, я предаю тебя в руки Божии, Бог будет тебе прибежище и сила. Он поможет тебе устоять против козней вражеских. Господь любит тех, кто благоугождает Ему, Он сохранит и твое вхождение отныне и до века.

В заключение своей беседы Митрофан сказал Сергию, что на месте его пустынножительства распространит Господь обитель великую и именитую, из которой пронесется слава имени Божия далеко во все стороны. Потом он сотворил краткую молитву, благословил своего постриженника и удалился.

И остался Сергей один, в своей излюбленной пустыни, остался без предшественника и сподвижника, без наставника и без помощника, с Единым Богом Вездесущим и никогда не оставляющим тех, которые для Него все оставили. Чиста и светла была его добрая душа, проста и открыта благодати Божией, и Бог, тайными внушениями Своей благодати, Сам руководил молодого подвижника в его борьбе с искушениями, которые по плану Божественного домостроительства нашего спасения неизбежны и для самых чистых душ... И поистине Сергей явился мужем Богомудрым, как именует его святая Церковь: проходя путем древних св. отцов пустынников-первоначальников жития монашеского, он, подобно им, был умудряем не столько от людей, сколько от Бога Самого и, обогатившись сим небесным сокровищем мудрости Божественной, умудрял потом и других во спасение.

Глава VI

Наедине с Богом

*Радуйся, вся плотския похоти Бога ради умертвивый.
Радуйся, многообразныя козни лукаваго силою Божию победивый!
Радуйся, Онуфрию Великому подражавый житием в пустыне.
Радуйся, Паисию последовавый в вечной святыне.*

Прости нас, преподобие отче Сергие, если мы дерзнем теперь мысленно войти в твою пустынную, убогую келлию, чтобы грешным умом своим проникнуть в сокровенное святыни твоей души и утешить себя созерцанием незримых миру твоих подвигов! Ведаем, преблаженне и Богомудре, что недостойны мы сего дивного созерцания, что мало способны к тому и наши сердечные очи, страстями омраченные; но, взирая на твою Христоподрожательную любовь, уповаем, что ты, благоволивший в назидание присных учеников твоих поведать им многое от того, чему был один Бог Сердцеведец свидетелем в пустынном житии твоём, ты, любвеобильный отче, не изгонишь и нас, желающих собрать некие крупички сего брашна духовного, оставшиеся от трапезы учеников твоих, во утоление наших алчущих душ!..

«Вот он, – скажем словами приснопамятного святителя Платона, – вот он, подвижник наш, в сладком своём уединении, в убогой, но спокойной келлии, очи свои возводит всегда к Живущему на небесах, очи, исполненные слезами покаяния... Мысль его беседует с Богом, язык прославляет Владыку всех, его сердце – жилище всякой добродетели, а потому и Духа Святого; руки же его служат его требованиям телесным... Он далек от всякой суеты и от соблазнов мира, работает Господу со страхом и трепетом (Пс. 2, 11), работает в приятном уединении, в сладкой тишине, имея всегда ничем не смущаемые мысли, не обремененный заботами рассудок и спокойный дух... О, дражайшее и любезное состояние!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.